

УДК 94 (47)+571.083

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПРАКТИКА МОНАСТЫРЕЙ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII-НАЧАЛЕ XX ВВ.

А.В. РОЖИНА*Сыктывкарский
государственный
университет**e-mail: arojina@bk.ru*

На основе опубликованных и архивных документов рассматривается один из важных аспектов истории России – проблема пенитенциарной практики монастырей. Автор предпринимает попытку изучить «церковное наказание» и развитие взаимоотношений монастырей с церковно-государственными властями в Вологодской губернии в конце XVIII-начале XX вв.

Ключевые слова: Российская империя, Вологодская губерния, Русская православная церковь, монастыри, наказание.

К настоящему времени существуют исследования, посвященные изучению различных аспектов пенитенциарной практики Русской православной церкви и деятельности монастырей в синодальный период. Известно, что наибольшее распространение монастыри-тюрьмы получили на Севере Российской империи¹. При этом, имеется широкий круг неисследованных источников, позволяющих раскрыть региональные особенности проблемы.

Исследование основывается, прежде всего, на делопроизводственных документах архивов г. Великого Устюга, г. Сыктывкара и г. Вологды. Рассматривается период с конца XVIII в., когда завершился процесс приведения епархиальных границ в соответствии с административно-территориальным делением государства, осуществился переход на иной уровень регулирования управления до завершения в 1917 г. синодального периода. Учреждение Святейшего Синода² способствовало сокращению компетенции церковных судов. Их юрисдикции подлежало расследование дел о нанесении обид лицами духовного ведомства по жалобам о личных обидах, за такие преступления, которые оскорбляют священный сан. При нарушениях церковного закона могло последовать наложение денежного штрафа, при значительных преступлениях – исключение «за штат» (то есть отстранение от должности). В дисциплинарной практике духовенства применялось и такое наказание, как задержание в священнослужении. Однако чаще применялось «духовное исправление» в архиерейских домах и монастырях. За преступления, подлежавшие светскому уголовному суду, по отношению к монахам в качестве крайней формы наказания могло использоваться лишение монашеского сана³. За церковным судом оставалось также рассмотрение преступлений светских лиц против религиозного и нравственного закона, за которые уголовные кодексы не налагали уголовного наказания, а предусматривали только ссылку на покаяние в монастырь⁴.

Осуществление монастырской пенитенциарной практики, то есть функции социально-религиозного исправления, было одним из направлений социального служения иноческих обителей в дореволюционной России. Церковное наказание реализовывалось, главным образом, через наложение эпитимии (в делопроизводственных

¹ См., например: Камкин А.В. Православная церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 года. Вологда, 1992. С. 35-48; Максимов С. В. Год на Севере. М., 1890. С. 24-25; Павлушков А.Р. Пенитенциарная практика северных монастырей XVIII – XIX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2000. С. 24-168; Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством. М., 1905. С. 11-16; Он же. В казематах. Очерки и материалы по истории русской тюрьмы. СПб., 1909. С. 13-14.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое (Далее ПСЗРИ – 1). Т. VI. 1721 г. № 3718. С. 314-335.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе (Далее ПСЗРИ – 2). Т. XVI. 1841 г. Отд. 1. № 14 409. С. 244-254.

⁴ Цыпин В.А. Церковное право. Курс лекций. М., Москва. С. 304.

документах конца XVIII–начала XX столетий именуется также «епитимия», «епитимья»⁵) и осуществлялось через отправление духовного или светского лица в отдаленную обитель на определенный срок для исправления посредством выполнения тяжелых работ под надзором монастырского начальства. В формулировках указов зачастую сообщалось о цели и форме ссылки в монастыри: «для усмотрения и исправления», «под начало», «на смирение», «на церковное покаяние», «на черные труды» и другие⁶. Сослать «под начало» фактически означало определить провинившееся лицо под особый надзор кого-либо из числа братии монастыря. Термин «черные работы», часто использовавшийся в указах, налагал на ссыльного обязанности выполнения в монастыре физической работы (например, убирать территорию, работать в поле, печь хлеб, просеивать муку). Спектр таких работ был весьма значителен. Выбор их определялся не только практической целесообразностью, но и зависел от вины ссыльного. За более серьезное правонарушение (обычно, экономического характера) назначались более тяжелые работы⁷.

Монастырская пенитенциарная практика осуществлялась строго в соответствии с российским законодательством и под контролем церковно-государственных властей. Рассмотрим нормативно-правовые основы осуществления монастырской пенитенциарной практики. В конце XVIII – начале XIX вв. наложение церковного наказания было оформлено указами Синода, не входящими в противоречие с «Духовным Регламентом» и «правилами Святых Отцов»⁸. Архивные источники фондов монастырей свидетельствуют о неоднократных фактах наложения церковного наказания епархиальным архиереем⁹. После обнародования указа от 19 октября 1797 г., епископы были уполномочены осуществлять наложение епитимии «не представляя Святейшему Синоду», то есть сами, не делая предварительных представлений¹⁰.

В 1830-1840-х гг. XIX в. было законодательно регламентировано наложение «церковного наказания» за определенные виды правонарушений и преступлений для лиц духовного звания и «гражданских». Указом от 31 августа 1832 г. «О сокращении делопроизводства по Синодальным Конторам и Консисториям» епархиальным архиереям предписывалось не доводить до Синода сведения о наложении епитимии, за исключением случаев «сомнительных, требующих особого разрешения»¹¹. На основании решения епархиального суда епископ назначал сроки «исправления» в монастырях для лиц духовного звания. В 1833 г. Святейший Синод принял указ «О предписании Епархиальным Архиереям, дабы они усугубили бдительность надзора над поведением и нравственностью вверенного им Духовенства»¹². Епархиальному начальству было поручено пересмотреть послужные списки священнослужителей «дьяконовского сана» с целью изучения их поведения, особенно после применения исправительных мер. В случае необходимости предписывалось «избрать строжайшие средства к совершенному исправлению таковых, и для внушения другим должного опасения, употребляя в нужных случаях к таковому примерному взысканию монастырское подначальство», а в случае необходимости разрешалось применить и другие меры наказаний¹³. В «Высочайше утвержденном Уставе Духовных Консисторий»

⁵ См.: Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 496. Оп. 1. Д. 135. Л. 6-8 об.; Ф. 512. Оп. 1. Д. 307. Л. 9-10, 15; Муниципальное учреждение «Великоустюгский центральный архив» (МУ «ВЦА»). Ф. 364. Оп. 1. Д. 3063. Л. 57; Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (ГУ РК «НА РК»). Ф. 232. Оп.1. Д. 220. Л. 16, 25.

⁶ См.: ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 394. Л. 2, 52-53, Д. 411. Л. 1-1 об., Д. 551. Л. 8; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 42. Л. 139; МУ «ВЦА». Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 125 об.; ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп.1. Д. 228. Л. 57.

⁷ См., например: МУ «ВЦА». Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 125-126.

⁸ ПСЗРИ – 1. Т. VI. 1721 г. № 3718. С. 314-335.

⁹ См., например: ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп.1. Д. – 25. Л. 20 об., 29, 31; МУ «ВЦА». Ф. 364. Оп. 1. Д. 1421. Л. 15, Д. 2944. Л. 1; ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 556. Л. 1-2; Ф. 511. Оп. 1. Д. 50. Л. 70-73.

¹⁰ ПСЗРИ – 1. Т. XXIV. 1797 г. № 18.273. С. 773.

¹¹ ПСЗРИ – 2. Т. VII. 1832 г. № 5585. С. 591-592.

¹² Там же. Т. VIII. 1833 г. № 6360. С. 447-448.

¹³ Там же. Т. VIII. 1833 г. № 6360. С. 448.

последовало четкое предписание порядка наказания за религиозные правонарушения для духовенства, а также для гражданских лиц¹⁴. Среди мер взыскания и исправления, которым могли подвергаться священники и церковнослужители по епархиальному суду, было «временное запрещение в священнослужении, без отрешения от места, но с «возложением епитимии в монастыре или на месте» или «временное испытание в Архиерейских домах и монастырях»¹⁵. Этими мерами «Устав духовных консисторий» упорядочил систему наложения церковного наказания и отбывания «монастырской ссылки».

Для отбывания «духовного наказания» использовались преимущественно отдаленные северные обители Российской империи, расположенные в Новгородской, Архангельской и Вологодской губерниях¹⁶. Исследователь А.Р. Павлушков впервые детально изучил монастыри г. Вологоды и пригорода (Спасо-Прилуцкий мужской монастырь 2-го класса, Свято-Духов мужской монастырь 3-го класса и Горный Успенский девичий монастырь 3-го класса) как место социально-нравственного исправления лиц, обвинявшихся в совершении различных преступлений. В диссертационном исследовании проанализированы источники ГАВО (главным образом из фонда Спасо-Каменного монастыря) и часть архивных документов МУ «ВЦА», при этом монастыри рассмотрены в равной мере как место отбывания наказания для духовных и светских лиц¹⁷. Обращение к фондам архивов г.Великого Устюга (фонды «Канцелярия Велико-Устюгского епископа», «Великоустюгское духовное правление») и Республики Коми (фонд «Троицко-Стефановский Ульяновский монастырь») позволяет расширить источниковую базу исследований и выявить региональную специфику пенитенциарной практики монастырей Вологодской епархии¹⁸. Так делопроизводственные документы демонстрируют, что не только монастыри губернского г. Вологоды, но и отдаленные иноческие обители Вологодской епархии были «популярными» местами для отбывания «церковного наказания».

Широкое распространение в этом регионе получила практика отправления в монастырь священников и церковнослужителей «за нетрезвость и неблагочинное служение». По «Уставу духовных консисторий» исправлению в православных обителях должны были подвергаться лица духовного звания, которые по жалобам прихожан, оказывались «виновными в неисправности по совершению Богослужения и треб и в немирлоубии» и оказании неуважения к дому Божию «неприличными словами или действием»¹⁹. Духовенство по этим статьям обычно отсылали в Великоустюгский Михайло-Архангельский мужской монастырь 2-класса, Сольвычегодский Введенский мужской монастырь 3-класса²⁰. Известны также случаи пребывания лиц духовного звания на епитимии за такое же правонарушение в Ульяновском Троицко-Стефановском монастыре Усть-Сысольского уезда. Например, в 1894 г. по постановлению епархиального начальства «за нетрезвую жизнь и неисправность по своим обязанностям» там содержались от двух недель до двух месяцев три псаломщика и один священник из Усть-Сысольского и Яренского уездов²¹.

Указы Вологодской духовной консистории свидетельствуют также о неоднократных фактах наложения церковного наказания на священников и дьяков за причинение обид прихожанам. В соответствии с «Уставом духовных консисторий» на церковнослужителей «за причинение обиды словами» налагалось наказание в виде денежного штрафа, а «за причинение тяжкой обиды» предписывалось отправление

¹⁴ Устав духовных консисторий. Спб., 1841, 1883, 1912; ПСЗРИ-2. Т. XVI. 1841 г. Отд. 1. № 14 409. С. 221-263.

¹⁵ ПСЗРИ-2. Т. XVI. 1841 г. Отд. 1. № 14 409. С. 246.

¹⁶ Павлушков А.Р. Пенитенциарная практика северных монастырей XVIII – XIX вв.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Вологда, 2000. С. 12-17.

¹⁷ Там же.

¹⁸ МУ «ВЦА». Ф. 23, Ф. 364; ГУ РК «НА РК». Ф. 232.

¹⁹ ПСЗРИ – 2. Т. XVI. 1841 г. Отд. 1. № 14 409. С. 247.

²⁰ МУ «ВЦА». Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 63.

²¹ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 228. Л. 57-59, 62 в.

на епитимию в монастырь или исключение из духовного звания²². Сохранившиеся архивные источники позволили установить, что случаи отбывания «в монастырской ссылке» за оскорбление прихожан в обителях Вологодской губернии тоже были. В 1862 г. в Троицко-Стефановской обители «за причинение обид» крестьянке Авдотье Пантелеевой отбывали месячную епитимию священник Летской Преображенской церкви Иоанн Воскресенский и дьяк этой же церкви Илья Попов²³.

Были известны и случаи внутренних конфликтов среди духовенства. В 1893 г. по резолюции епископа Варсанофия и указу Великоустюгского духовного правления «за причинение оскорблений словами и действиями местному священнику в пьяном виде» отбывал 2-недельную епитимию в монастыре «на черных физических трудах» псаломщик Пезмогской Прокопиевской церкви Усть-Сысольского уезда Алексей Трубачев²⁴. В то же время были факты несоответствующего поведения и внутри монастырской общины Ульяновской обители. По делу «о разных беспорядках», рассмотренном в духовном правлении и консистории в 1898 г., выяснилось, что три года назад иеромонах Александр «нашел оскорбление действием иеродиакону Аркадию ударив рукою по лицу во время богослужения»²⁵. Возможно, этот случай остался бы неизвестен, но о нем доложил один из свидетелей этого поступка. Послушник Николай Белков, переведенный из Ульяновского в восстановленный Николаево-Коряжемский монастырь Сольвычегодского уезда, не замедлил сообщить благочинному об этом правонарушении. Иеромонаху Александру была предписана епитимия сроком на один месяц, которая вскоре «в виду необходимости в нем при наступлении монастырских полевых работ» была заменена взысканием штрафа в размере восьми рублей в пользу епархиального попечительства²⁶. Этот прецедент из церковного судопроизводства конца XIX столетия демонстрирует смену формы наказания за правонарушение лица духовного ведомства.

Наказание настоятелей монастырей за «упущения по службе» не предусматривалось нормами церковно-канонического права. При этом известны случаи отправления игуменов в Вологодский Спасо-Прилуцкий монастырь за эти правонарушения. Указами консистории был отстранен от должности и направлен «на исправление» в 1826 г. настоятель Белавинской пустыни (за «неспособность быть настоятелем и управлять монастырем»)²⁷, а в 1851 г. та же участь постигла игумена Сольвычегодского Николаево-Коряжемского монастыря (за «непорядочное поведение»)²⁸.

Согласно уставу, монастырская ссылка предписывалась и за другие нарушения. Например, отправлению в монастырь подвергались священнослужители, повенчавшие лиц, состоящих в другом браке или несовершеннолетних²⁹. Однако, эти случаи были очень редки, и в фондах региональных архивов нам не удалось найти свидетельств отбывания наказаний в монастырях Вологодской губернии за эти правонарушения. Необходимо отметить, что устав предусматривал наказание монашествующих лиц за проступки в зависимости от их чина: иеромонах и иеродиакон были подсудны соответственно как священник и диакон, а монах и послушник, как причетник. Они могли подвергаться и другим мерам взыскания, изложенных в «Завещаниях для инока», преданных Святым Василием Великим, во 2-й части «Кормчей Книги», в «Номоканоне» и в «Духовном Регламенте». При этом, бывали случаи принятия решений по «монашествующим» в «индивидуальном порядке». Например, в 1808-1809 гг. было рассмотрено дело о недостойном поведении послушника Троицко-Гледенского монастыря Устюгского уезда Ивана Осонина³⁰. Первоначально, по резолюции епархиального архиерея, по-

²² ПСЗРИ – 2. Т. XVI. 1841 г. Отд. 1. № 14 409. С. 246.

²³ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 25. Л. 20, 20 об.

²⁴ Там же. Ф. 232. Оп. 1. Д. 220. Л. 13.

²⁵ Там же. Ф. 232. Оп. 1. Д. 255. Л. 10-11 об.

²⁶ Там же. Ф. 232. Оп. 1. Д. 255. Л. 24-25 об.

²⁷ ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 448. Л. 5-5 об.

²⁸ Николаевский Коряжемский монастырь Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. Вологда, 1901. С. 11-29.

²⁹ ПСЗРИ – 2. Т. XVI. 1841 г. Отд. 1. № 14 409.

³⁰ МУ «ВЦА». Ф. 364. Оп. 1. Д. 2944. Л. 1-22 об.

следовавшего на рапорт игумена Германа «о пьянственных и прочих неблагопристойных поступках», консистория направила послушника в Устюгское духовное училище «в прислугу». Но после пересмотра дела в присутствии духовного правления, молодой человек 28 лет «от роду», выходец из государственных крестьян, был отправлен «в военную службу»³¹. Это один из редких случаев, когда послушник не был пострижен в монашество, а, напротив, за несоответствующее поведение возвращен в крестьянское сословие с возложением на него рекрутской повинности.

Отдельного рассмотрения требуют дела о гражданских лицах. В главе «О наложении церковной епитимии» устава предписывалось, что «церковное покаяние» на гражданских людей должно налагаться епархиальным начальством или «по приговорам светских присутственных мест». При этом «на основании церковных правил» определялись сроки и «образ прохождения покаяния, по роду поступков и преступлений»³². Архивные источники свидетельствуют о фактах отбывания на епитимии в монастырях Вологодской губернии «гражданскими», однако это весьма редкие случаи. В источниках сохранились сведения о пребывании на «церковном покаянии» крестьян, купцов, военных, мещан и дворян. В Спасо-Прилуцком монастыре наказание несли преимущественно «за отступление от православной веры» (то есть как раскольники). Наибольший пик активности ссылки в эту обитель лиц гражданского ведомства приходился на первую половину XIX столетия³³. Для женщин за прелюбодеяние практиковалась ссылка в Вологодский Горный Успенский монастырь³⁴. После издания Синодом в 1837 г. распоряжения «О мерах борьбы с расколом», эта «девичья» православная обитель активно использовалась как место ссылки за «отступления от веры», а также за длительное отсутствие на исповеди³⁵. В XIX в. за «сектантство» и «раскол» отправляли преимущественно в Вологодский Свято-Духов монастырь, который был местом отбывания наказания главным образом для духовных лиц за уголовные, гражданские и церковные преступления (убийство, укрывательство беглого, кражи, раскол), а также правонарушения (пьянство, неповиновение начальству, самовольные отлучки, неисполнение обязанностей)³⁶. В 1850 г. в делопроизводственных документах зафиксирован случай пребывания на епитимии в том же монастыре трех гражданских лиц³⁷. По мнению историка А.Р. Павлушкова ссылка светских лиц в монастыри во второй половине XIX столетия прекращается. Однако в делопроизводственных документах сохранились сведения о пребывании крестьян в монастырской ссылке Троицко-Стефановском общежительном монастыре³⁸.

Таблица 1

Численность лиц, пребывавших в «монастырской ссылке» в Ульяновском Троицко-Стефановском мужском монастыре в 1860-1917 гг.³⁹

Категории лиц	1860-1869 гг.	1870-1871 гг.	1880-1889 гг.	1890-1899 гг.	1900-1909 гг.	1910-1917 гг.	Всего (1860-1917 гг.)
Священнослужители	4			3			7
Церковнослужители	3	2	1	11	1	2	20
Крестьяне (из них несовершеннолетние)			1	3 (3)			4 (3)

³¹ Там же. Ф. 364. Оп. 1. Д. 2944. Л. 22, 22 об.

³² ПСЗРИ – 2. Т. XVI. 1841 г. Отд. 1. № 14 409. С. 254.

³³ ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 556. Л. 1-2; Д. 551. Л. 8; Д. 516. Л. 18-19, 40-40 об. и другие.

³⁴ Там же. Ф. 511. Оп. 1. Д. 189. Л. 1-4.

³⁵ Там же. Ф. 511. Оп. 1. Д. 50. Л. 90-90 об., 100.

³⁶ Там же. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, Д. 21. Л. 338, 429, Д. 107. Л. 107, 249, 534.

³⁷ Там же. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 42. Л. 139.

³⁸ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 211. Л. 32а.

³⁹ Там же. Ф. 232. Оп. 1. Д. 20. Л. 20, 20 об., 29, 31, 31 об., Д. 22. Л. 53, 53 об., Д. 25. Л. 20, 20 об., 29, 31, 31 об., Д. 77. Л. 6-7, Д. 131. Л. 60-67, Д. 155. Л. 8-10, Д. 165. Л. 4-6, Д. 203. Л. 26, Д. 211. Л. 23, 23а, 32, 48-49, Д. 220. Л. 13, 16, 25, Д. 228. Л. 35, 36, 38, 38 об., 57, 58, 59, 62 в., Д. 278. Л. 19-20, Д. 301. Л. 4-6, Д. 314. Л. 31-32, Д. 347. Л. 28-30, Д. 348. Л. 39.

Как видно из сводной таблицы, составленной на основе данных о лицах, пребывавших в «монастырской ссылке» в Ульяновском Троицко-Стефановском мужском монастыре с момента его основания в 1860 г. до 1917 г.⁴⁰, эта обитель использовалась преимущественно для «исправления» духовенства. В 1890-1899 гг. в Ульяновскую обитель на отбывание «церковного наказания» было отправлено наибольшее количество лиц (3 – из крестьян, 14 – из духовенства). При детальном рассмотрении дел, оказалось, что крестьяне, пребывавшие в этой обители в 1890-х гг., были несовершеннолетними преступниками, отбывавшими наказание от 40 дней до двух месяцев «за кражу со взломом»⁴¹.

В связи с участвовавшими случаями совершения правонарушений детьми, проблема их распределения в монастыри была рассмотрена в Вологодской духовной консистории и окружном суде в 1897-1898 гг. Настоятелям и настоятельницам рекомендовалось не отказывать в приеме несовершеннолетних преступников, направляемых по решению суда в обители. По резолюции архиерея Вологодской и Тотемской епархии наиболее удобными для помещения «для духовного исправления» детей были выбраны пять мужских монастырей: Дионисиево-Прилуцкий, Павло-Обнорский, Спасо-Суморин, Николаево-Прилуцкий, Троицко-Стефановский. Обители для отбывания наказания распределялись по уездам: первый из них – для преступников из Вологодского и Кадниковского уездов, второй – из Грязовецкого уезда и прилегающей к нему части Тотемского уездов, третий – из Вельского и Тотемского уездов, четвертый – из Устюгского уезда, пятый – из Яренского⁴².

Таблица 2

**Численность лиц, заключенных на епитимию
в Великоустюгском Михайло-Архангельском монастыре в 1890 г.⁴³**

Категории лиц	На каком основании заключены				Преступление / правонарушение			Срок отбывания наказания	
	донесение благочинного	указ духовного правления	распоряжение Синода	резолюция епископа	нетрезвость и неблагочинное служение	оскорбление пред приведением к присяге	растрата «сиротских сумм»	7-9 дней	1-6 месяцев
Священнослужители			1	3	3		1	2	2
Церковнослужители	2	1			2	1		2	1
Итого	2	1	1	3	5	1	1	4	3

В 1890-х гг. происходит ужесточение правил по содержанию в «монастырской ссылке». Указом Вологодской духовной консистории от 11 декабря 1890 г. за № 14 настоятелям монастырей было предписано представлять в конце каждого года ведомость о лицах, содержащихся на епитимии с обозначением времени их поступления, выбытия и поведения⁴⁴. Это облегчает сбор сведений о монастырской ссылке. Ведомость Великоустюгского Михайло-Архангельского монастыря за 1890 г. о лицах, со-

⁴⁰ См. Таблицу 1.

⁴¹ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 211. Л. 48-49, Д. 228. Л. 38, 38 об.

⁴² Там же. Ф. 232. Оп. 1. Ф. 232. Оп. 1. Д. 255. Л. 7-8 об.

⁴³ МУ «ВЦА». Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 125-126.

⁴⁴ Там же. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 124, 124 об.

державшихся на епитимии⁴⁵, дает возможность проанализировать данные о категориях лиц, пребывавших на епитимии, основания для их заключения, видах преступлений и правонарушений, сроках отбывания наказаний⁴⁶. Источники содержат сведения о пребывании в обители семи лиц духовного ведомства, из них трое – церковнослужители (дьяконы, причетники, псаломщики). Основанием для заключения в монастырь на епитимию церковнослужителей были донесения благочинных и указы духовного правления, священники несли «монастырское наказание» на резолюции епископа и в редких случаях (за экономическое преступление) – по резолюции Святейшего Синода. При этом, срок отбывания в «монастырской ссылке» зависел от преступления (правонарушения), тяжести вины и составлял от недели до шести месяцев. Максимальный срок был назначен «за растрату сиротских сумм». По этому делу отбывал наказание священник Евлакипай Заварин из Устюжского уезда. По указу Синода Заварин был сослан в монастырь на шесть месяцев. Среди дел по религиозным правонарушениям церковнослужителей особо выделяется случай псаломщика Христорождественской церкви Аполлона Голубева. Указами духовного правления (от 15 февраля 1890 г.) и Вологодской духовной консистории (от 18 декабря 1889 г.) церковнослужитель был определен в Великоустюжский Михайло-Архангельский монастырь «за оскорбление в церкви перед приведением к присяге»⁴⁷, что фактически можно рассматривать как проявление неуважения не только к официальной церемонии, но и как своеобразное выступление против власти.

Таким образом, монастыри Вологодской губернии, подчиненные реализации общегосударственных целей, осуществляли пенитенциарную практику, являясь местом «ссылки» и «духовного исправления» за совершение религиозно-нравственных, уголовных преступлений и правонарушений. Архивные источники отражают сведения о многократных случаях применения в качестве наказания «исправление в монастырях» для белого и черного духовенства, а также для гражданских лиц. Внимание к регламентации осуществления «монастырской ссылки» для несовершеннолетних лиц крестьянского сословия, демонстрирует увеличение случаев их исправления в обителях Вологодской епархии в середине XIX столетия. При этом сохранившиеся делопроизводственные документы демонстрируют преобладание содержащихся на епитимии лиц духовного ведомства и в редких случаях пребывания гражданских лиц. В целом, в законодательстве и делопроизводственных документах Российской империи конца XVIII – начала XX вв. прослеживаются тенденции по увеличению количества дел по религиозным правонарушениям, рассмотренных местными епархиальными властями, что свидетельствует о переложении судебных функций на духовные правления и консистории с наделением их правом наложения монастырской епитимии. Святейший Синод оставил за собой полномочия по решению особо важных духовных и экономических преступлений духовенства.

PRISON PRACTICE OF VOLOGDA PROVINCE MONASTERIES FROM LATE XIX TO EARLY XX CENTURIES

A.V. ROZHINA

Sykttyvkar State University

e-mail: arojina@bk.ru

On the basis of the published and archival documents the author considers one of the prominent aspects of Russian History – the problem of the prison practice of the monasteries. The author makes an attempt to investigate «church punishment» and the development of between monasteries and state-church authorities in Vologda province of late XIXth – early of XXth century.

Key words. Russian Empire, Vologda province, Russian Orthodox church, monasteries, punishment.

⁴⁵ Там же. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 125, 125 об.

⁴⁶ См. Таблицу 2.

⁴⁷ МУ «ВЦА». Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 125 об.